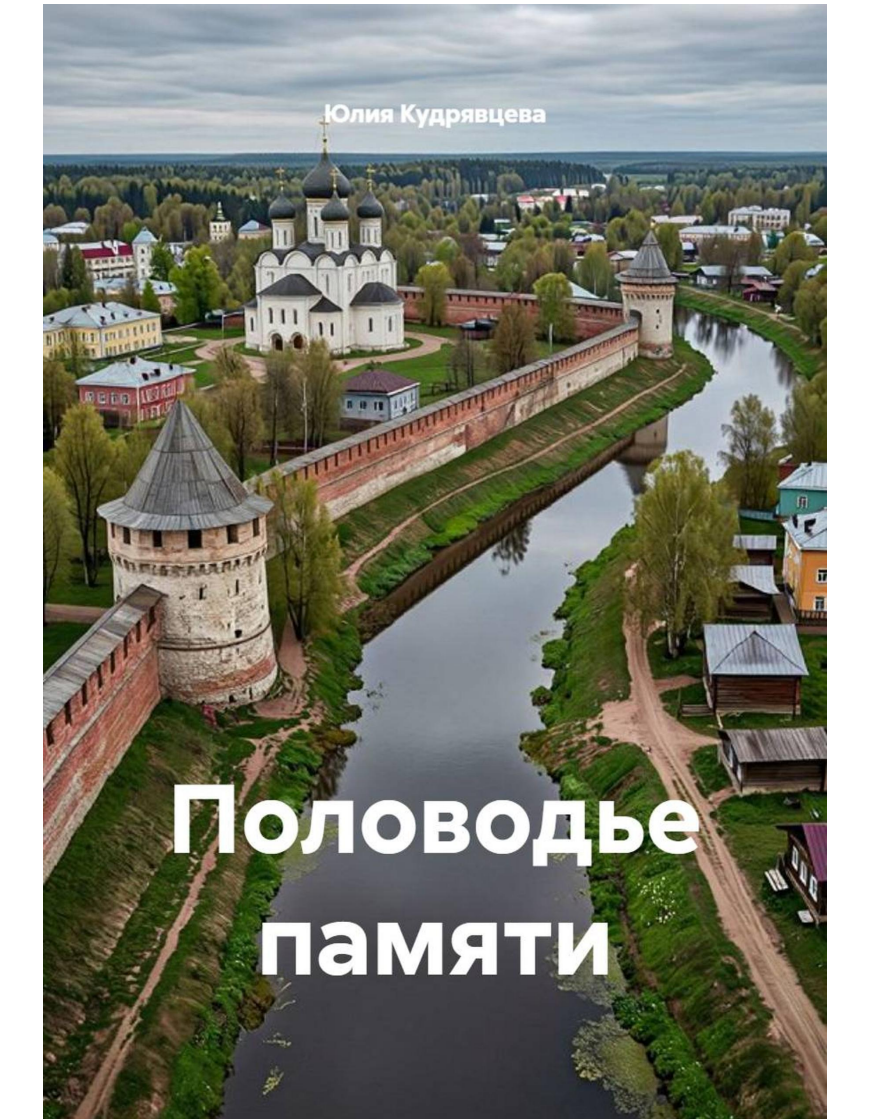

An aerial photograph of the Suzdal Kremlin in Russia. The Kremlin's red brick walls and towers are prominent, with a large white church featuring multiple black domes situated within its walls. A river flows alongside the Kremlin, reflecting the sky. The surrounding town of Suzdal is visible, with various houses and buildings nestled among green trees. The sky is overcast with grey clouds.

Юлия Кудрявцева

Половодье памяти

Юлия Кудрявцева

Половодье памяти

<https://litres.ru/74577383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Верхний Ломов стоит на реке Ломовке с тысяча шестьсот тридцать пятого года - сначала как крепость от крымских татар, потом как город, потом как село. Крепость давно сгнила, каменный собор на Школьной площади взорвали в шестьдесят первом, а Ломовка течёт - мелкая, заросшая, ноющая, как старая рана на ровном месте.

Каждый апрель она вспоминает, что когда-то была глубокой и рыбной, и затапливает Нижнеломовский район с упорством, которому позавидовал бы любой коллектор. В две тысячи двадцать четвёртом году вода дошла до трёх метров десяти сантиметров и залила зону отдыха «Садки» - победителя всероссийского конкурса на лучшую городскую среду. Ломовке было всё равно.

В тот год, с которого начинается этот рассказ, весна выдалась такой тёплой, что черёмуха зацвела на две недели раньше срока. Черёмуха - дерево, от которого, по версии краеведов, Ломовка и получила своё имя: коми-слова «льом-ва», «черемуха-вода».

Юлия Кудрявцева

Половодье памяти

Верхний Ломов стоит на реке Ломовке с тысяча шестьсот тридцать пятого года - сначала как крепость от крымских татар, потом как город, потом как село. Крепость давно сгнила, каменный собор на Школьной площади взорвали в шестьдесят первом, а Ломовка течёт - мелкая, заросшая, ноющая, как старая рана на ровном месте.

Каждый апрель она вспоминает, что когда-то была глубокой и рыбной, и затапливает Нижнеломовский район с упорством, которому позавидовал бы любой коллектор. В две тысячи двадцать четвёртом году вода дошла до трёх метров десяти сантиметров и залила зону отдыха «Садки» - победителя всероссийского конкурса на лучшую городскую среду. Ломовке было всё равно.

В тот год, с которого начинается этот рассказ, весна выдалась такой тёплой, что черёмуха зацвела на две недели раньше срока. Черёмуха - дерево, от которого, по версии краеведов, Ломовка и получила своё имя: коми-слова «льом-ва», «черемуха-вода».

Но баба Зина, которой было восемьдесят семь и которая помнила довоенные времена - не ту войну, а другую, гражданскую, про которую в Верхнем Ломове говорили шёпотом.

Баба Зина утверждала, что название неправильное. Не черёмуха-вода, а лом-ва. Лом - это то, что ломает. А ва - вода. Вода, которая ломает. И в это она верила так же спокойно, как в то, что печка греет, а зимой идёт снег.

Баба Зина жила на улице Стрелецкой, у самой Стрелецкой горы, где когда-то стояла крепость. Дом её был старый, рубленный, с подпоркой под крыльцом, потому что одно колесо у дома сгнило, и дом чуть перекосился, как телега на выбоине.

Подпорку баба Зина заменяла каждую весну: старую вытаскивала, новую втыкала. И каждый раз старая подпорка оказывалась мокрой, не от земли, а мокрой насквозь, будто дерево не стояло в грунте, а росло из воды. Баба Зина не удивлялась. Она говорила: «Дом помнит, что стоит на реке. Даже если река далеко».

Это было правдой и не было правдой одновременно, но в Верхнем Ломове никто не задавал лишних вопросов.

Половодье началось в ночь на двенадцатое апреля. К утру мост у Покровской церкви ушёл под воду наполовину - тот самый мост, под которым, по преданию, в тысяча шестисот восемьдесят девятом году обосновался Успенский монастырь, пока его не перенесли на гору от греха подальше.

Сотовая вышка в низине замолчала. Электричество пропало на вторые сутки, и вместе с ним пропал привычный шум: ни холодильника, ни телевизора, ни радио. Остались

только печки, вода и тишина, да такая, в которой слышно, как капает с крыши.

Наум - молодой парень, сбежавший от армии, - жил в заброшенном доме на улице Пушкинской. Не потому что искал романтики, а потому что свободных домов в Верхнем Ломове было много: люди уезжали, дома оставались, а Ломовка каждый год подмывала берег, и дома понемногу сползали к воде, как будто река звала их к себе. Дом Наума уже сполз на полметра, и дверь, закрывалась, только если подложить клин. Наум не боялся. Он вообще ничего не боялся, или делал вид, что не боялся, что в двадцать лет одно и то же.

Он сбежал от армии не потому что боялся пули. Он боялся другого - того, как быстро жизнь становится чужой. Как ты утром надеваешь форму, а к вечеру уже не помнишь, какого цвета были твои руки. Это была не трусость, а что-то более тонкое: страх перед тем, что можно перестать быть собой, и никто не заметит.

В ночь половодья Наум сидел на крыльце и курил. Табак отсырел, папироса горчила, но он курил одну за другой. Туман стоял стеной, и в тумане происходило что-то, чему он не мог подобрать слова: свет - не солнечный, не лунный, а какой-то внутренний, будто вода светилась изнутри. Не как солнце. Как то, что живёт под землёй и не любит, когда на него смотрят. Наум смотрел. Свет не исчезал.

Потом он заметил, что мокрые отпечатки на крыльце - не его. Босые следы, маленькие и большие, вели от реки к дому

и обратно. Дверь была заперта. Наум проверил замок - цел, ключ в кармане. Следы шли сквозь дверь.

Он затушил папиросу о перила и пошёл спать. Утром следов не было. Но на ступеньке лежал рыболовный крючок — старый, ржавый, с обломанным цевьём. Наум не рыбачил.

Семья с двумя детьми приехала в Верхний Ломов из Пензы - переждать ремонт в городской квартире. Отец, Андрей — не тот Андрей, что участковый, а другой Андрей, Андрей Второй, как мысленно называла его баба Зина, - снял дом на улице Советской, рядом с Покровской церковью. Церковь была каменная, построена в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году по проекту петербургского архитектора Василия Егоровича Моргана. Приделы - Архангела Михаила и Дмитрия Солунского.

Баба Зина ходила туда по воскресеньям, но не молилась, а разговаривала - не со священником, не с иконами, а с чем-то, что жило за стенами, в камнях, в земле, в воде. Она никогда не объясняла, с чем именно.

Дети - старшая девочка лет восьми и мальчик помладше - с первого дня вели себя странно. Не плохо, не шумно - странно. Они рисовали воду. Не деревья, не дома, не собак, как рисуют обычные дети, - воду. Реки, ручьи, лужи. И в каждой луже у них были лица. Не отражения - лица. Много лиц. Мать сначала думала, что это игра. Потом стала присматри-

ваться, и увидела, что лица в рисунках разные. Одни - старые, морщинистые, другие молодые, третьи детские, и все они смотрели вверх, будто смотрели из-под воды.

- Это кто? - спросила мать.

- Те, кто там живёт, - ответила старшая девочка, не отрываясь от рисунка.

- В луже?

- В воде. Везде в воде. Они хотят, чтобы их видели.

Мать забрала рисунки. Девочка не расстроилась. Она просто стала рисовать новые.

Участковый, Андрей Евгеньевич, застрял в Верхнем Ломове на дежурстве. Он должен был следить за паводковой обстановкой, координировать эвакуацию, если понадобится, и писать рапорты. Рапорты он не писал. Он сидел на лавке у магазина «Волна» - единственного в селе - и смотрел на воду.

В девяносто втором году Андрей Евгеньевич тонул. Не в Ломовке - в Мокше, ниже по течению, там, где река шире и глубже. Лодка перевернулась, вода была тёмная, холодная, и он ушёл под неё, как камень. Потом - рывок, чья-то рука, воздух, солнце в глаза. Его вытащил мужик с соседней лодки, имени которого он так и не узнал. Тот отвёз его к берегу, сказал «ну, живой» - и ушёл. Андрей Евгеньевич тогда подумал, что чудо - это когда спасают незнакомые руки. Потом, через годы, стал думать, что чудо - это когда ты что-

то должен, и тебе это прощают. А потом перестал думать об этом совсем.

Теперь вот думал снова. В ночь половодья Андрей Евгеньевич увидел в оконном стекле - того самого окна магазина «Волна», за которым когда-то продавали мороженое, а теперь продавали сигареты и лапшу быстрого приготовления, - своё отражение. Но отражение было мокрым. Он сам был сухой, сидел на лавке, а в стекле - мокрый, с волосами, прилипшими ко лбу, и глаза у отражения были без зрачков. Белые, как у варёной рыбы.

Андрей Евгеньевич не закричал. Он встал, подошёл к стеклу, протянул руку. Отражение не повторило жест. Оно стояло и смотрело - не глазами, потому что глаз не было, а чем-то другим, чем-то, что находилось там, где должны были быть зрачки: не пустота, а полнота, как у воды, которая вбирает в себя всё и ничего не отдаёт.

Он развернулся и пошёл к мосту. Мост был затоплен наполовину, вода текла по нему, как по руслу, но Андрей Евгеньевич ступил на доски и пошёл. Вода доходила до колен. Он шёл и шёл, и вода поднималась, и ему казалось, что если он дойдёт до середины, то всё станет понятно - и девяносто второй год, и белые глаза, и тишина, которая не похожа на тишину, а похожа на то, как звучит вода, когда ты уже под ней.

Его нашли утром на берегу. Сухой. Он сидел в камышах и бормотал: «Они сказали, что я должен был утонуть ещё в

девянносто втором. Что время пришло теперь».

Наум, который нашёл его, спросил:

- Кто - они?

Андрей Евгеньевич посмотрел на него и ответил:

- Река помнит. Она не забывает ни одного вдоха, который был лишний.

Наум промолчал. Он подумал о том дне, когда нырнул с обрыва - не в Ломовку, а в карьер за селом, где вода была ледяная даже в июле. Он нырнул, чтобы доказать, что не боится, и понял, что не выплывет. Кто-то схватил его за куртку и вытащил. Он так и не узнал кто. На берегу он заплакал - первый и последний раз с тех пор, как ему исполнилось десять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.